

Подходят к концу гастроли Кемеровского драматического театра в Иркутске. Зрители города познакомились с рядом спектаклей, а вместе с ними и пьес, которые впервые шли на наших сценах. Что же дали каждому из нас эти встречи, чем обогатили, что помогли открыть в жизни и надолго ли остались в памяти?

Каждая встреча с новым спектаклем — это прежде всего встреча с новыми добрыми или недобрыми знакомыми. Это встреча с людьми о судьбах и путях которых говорит театр, характеры которых он дает нам для подражания.

И здесь начинается разговор о гражданственности театра, о роли его в воспитании людей. Эта боль-

шая проблема определяется прежде всего репертуаром театра, той «собой» пьес, которая только в едином целом определяет трагическое лицо творческого коллектива.

Самой приятной и впечатляющей в этом смысле была встреча с героями спектакля по пьесе С. Алешина «Палатки» (режиссер Д. А. Левин). Здесь тамбасы, драматургия и режиссура творчески усилили всех исполнителей. Были направлены на расширение значительной и острой темы современности, давали прямой ответ на вопрос о том, как жить, кого любить, кого ненавидеть, чему учиться и подражать и что искоренять из нашей действительности.

И вот следом за этой интересной работой театр показывает нам другую пьесу, казалось бы, поднимающую ту же тему — о вреде пережитков культа личности, о необходимости постоянно и непримиримо бороться с ними — «Тинину» Ю. Бондарева — и зрителей постигает разочарование. Дело не в том, что театр повторяется, а в том, что идейный и художественный уровень этой работы куда ниже тех возможностей, о которых заявил коллектив «Палатки».

Что принципиально нового, значительного могла дать сама эта довольно неудачная инсценировка пьесы Ю. Бондарева? Она целиком идет за развитием событий пьесы и почти лишена того развития характеров и действия, которые так необходимы в пьесе. Огромное количество сцен, бесконечные напевы, передвижения круга, торопливый пересказ всех пережитий пьесы — все это только утомляет зрителей, подменяет драматическое действие пьесы простой иллюстрацией. И в конечном счете спектакль сводится к рассказу о частной судьбе молодого парня Сергея Вохминцева, чья жизнь

была покинута несправедливым востром отца и другими последствиями культа личности.

Во имя чего же пошел театр разговор об этой судьбе, какие большие выводы делает? Спектакль в постановке заслуженного артиста БССР К. Х. Шахбазиди не дает ответа, на этот вопрос. А не очень взыскательный отбор некоторых приемов в бытовых сценах неожиданно накладывает на спектакль налет пошлости и не совсем хорошего вкуса. Может ли Сергей Вохминцев в тех рамках, которые определяет ему пьеса, в той трактовке, которые дают ему режиссер и артист В. Ан. Орлов, служить образцом сильного и яркого положительного героя? Думается, что нет. У него нередко развязность подменяет смелость, нервозность и растерянность появляются там, где должны быть раздумья и стремление разобраться в жизни. Все это сводит казалось бы интересный положительный характер к мелкотряпчатому, малоинтересному образу. Нельзя заключить в этом спектакле работы артистов Р. Байера (Костя), Г. Ишковой (Нина), А. Моисеево (Ася), заслуженного артиста РСФСР П. Бетова (Уваров). Но им не удалось спасти этот неудачный спектакль от неудачную инсценировку.

И вот еще один спектакль о наших

современниках — «Моя старшая сестра». На наш взгляд, это одна из более или менее интересных пьес А. Володина, хотя и она несет печать свойственного этому драматургу попыток подменить большие темы современности темами мелкими и неглавными, склонности к надломленным характерам «неудачников». И все-таки

Театр

при желании театр мог на материале этой пьесы повести значительный разговор об ответственности каждого за судьбу ближнего, об умении распознавать «мурло мешанины», о решительной борьбе с обывательщиной, о верности своим идеалам и умении идти за них в бой. К сожалению, в Кемеровском драматическом театре этот разговор состоялся лишь наполовину. Спектакль в постановке режиссера Я. М. Бронштейна звучит как бы воплотившая, в нем нет четких идейных акцентов. Мы вовсе не требуем, чтобы артист Г. Белая в роли Ухова «выдавал» утрированный штамп обывателя или чтобы артистка Г. Кузнецова играла роль Нади самоистощенно-полезительным типом.

И все-таки в спектакле должны ощущаться четкие позиции режиссера, исполнителей и всего театра. Это могло бы преодолеть свойственное и А. Володуну примиренчество с пещатком подменить большие темы современности темами мелкими и неглавными, склонности к надломленным характерам «неудачников». И все-таки, что в игре артистки Г. Кузнецовой, исполняющей роль старшей сестры в общем-то интересно и своеобразно, могло бы быть больше ярких красок, показывающих незаурядный ее характер, большой талант. Это сделало бы более правдоподобным столь разнотельное ее преобразование. Некоторые же сцены этого спектакля оказались очень статичны, наклон по профессиональному мастерству исполнения (приемные звямы, сцена Нади с друзьями) и это повредило общий художественный уровень спектакля.

Ряд других пьес, показанных театром, — «Смертный приговор» И. Собольева, «Третье слово» А. Касоя, «Безупречная репутация» М. Крайделя и М. Смирновой — не несет серьезной идейной нагрузки. Они, как и спектакли классических пьес — «С любовью не шутят» П. Кальдерона и «Женитьба Балзамина» Остров-

ского — делают ставку или на явную развлекательность подчас в ущерб драматургии (как случилось с «Женитьбой Балзамина») или на сентиментальные драматические чувства.

Предметом серьезного и значительного искусства мог бы стать спектакль по пьесе Назыма Хикмета «Всем забытый». Пьесы этого большого мыслителя, поэта и жизнелюба всегда интересны для театра и подлинной драматичностью и большими философскими обобщениями. И очень жаль, что в Кемеровском театре пьеса Назыма Хикмета опять же протрагилась в частную сентиментальную историю о чуде, которого ради славы пожертвовал своей человеческой судьбой.

Спектакль, поставленный режиссером Д. А. Левиним, лишен социального звучания, больших обобщений, а исполнение роли доктора артистом А. Гульковским несет налет истеричности, нервозности. В результате тушеется незаурядная личность, за мелодраматической трактовкой слабеет большая философская мысль пьесы о бренности славы, о великой цене человека и человеческой жизни на земле. И совсем странным кажется в спектакле по этой серьезной пьесе буффонные сцены с фотокорреспондентом и слугой, сцена в тюрьме — они еще раз подтверждают, что театр очень легко жертвует большой мыслью, серьезным гражданским содержанием ради развлекательности, малейшей реакции зрителя.

Пусть не считают за обиду наши гости этот прямой и открытый разговор. Конечно, за время гастрольной работы мы ввели интересные работы, приобрели немало добрых друзей среди отдельных героев спектаклей: это Валка из «Иркутской истории» в исполнении Г. Ишковой, Гончаров, Новиков и Терехов из «Палатки» славные заслуженные артистом П. Бетовым, артистами А. Самойловым и В. Дегтевым, Костя в «Тинине» в исполнении артиста Р. Байера и другие. Запоминается художественное оформление многих спектаклей.

Вместе с тем, большие требования, предъявляемые нашей партией и народом к идеологической работе, обязывают к разговору принципиальному и прямому об общем уровне театра. Думается, что коллектив театра, учитывая требования сегодняшнего дня, выдвинутые июньским Пленумом ЦК КПСС, уже пересматривает творческие позиции, ищет более благодарные пути, которыми ему надо идти вперед. Строгий и взвешанный отбор репертуара, глубокое режиссерское осмысление каждой пьесы, трагический подход ко всему, о чем говорит театр со зрителями, взыскательность в отборе выразительных средств — вот что необходимо сейчас театру для того, чтобы стать подлинным властителем дум, настоящей трибуной передовых идей, воспитателем лучших черт характера. На сцену театра просится наш современник — строитель коммунизма, Человек с большой буквы. И не надо жалеть ни сил, ни таланта ради того, чтобы этот герой говорил со зрителями полным голосом.

И. ДУБОВЦЕВА.